

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт востоковедения РАН

Центр стратегической конъюнктуры

Конфронтация между Западом и Россией: с кем вы, страны Азии и Африки?

УДК 93:32.001
ББК 63.3:66.0
К65

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СБОРНИКА

Отв. редактор д.и.н. академии РАЕН А.М. Хазанов,
д.п.н. У.З. Шарипов, отв. секретарь редакции Д.А. Милеев

К65 Конфронтация между Западом и Россией: с кем вы, страны Азии и Африки? / Под ред. А.М. Хазанова / Институт востоковедения РАН; Центр стратегической конъюнктуры. — М.: ИВ РАН, 2016. — 216 с.

ISBN 978–5–89282–684–6 978–5–9907792–6–6

В сборнике, в основе которого лежат материалы международной научной конференции, прошедшей в Институте востоковедения РАН 30.11.2015, рассматриваются актуальные вопросы международных отношений и мировой политики, экономики в контексте обострения отношений Запада и России. Особое внимание уделено анализу стратегии основных игроков на Ближнем и Среднем Востоке, борьбе против террористической угрозы в Сирии и Ираке. Книга рассчитана на научных работников, преподавателей вузов, студентов, а также всех интересующихся проблемами современной мировой политики и экономики.

ОБЛОЖКА: – На концерте симфонического оркестра петербургского Мариинского театра под руководством народного артиста России Валерия Гергиева в Римском амфитеатре сирийской Пальмиры, освобожденной от террористов «Исламского государства» // **Михаил Воскресенский**. РИА Новости. 05.05.2016.

– *Dimashqi Lens*. Free Syrian Army in Jobar near Damascus // www.flickr.com

ISBN 978–5–89282–684–6	© Коллектив авторов, 2016
ISBN 978–5–9907792–6–6	© Институт востоковедения РАН, 2016
	© Воробьев А.В. & ЦСК, оформление, 2016

Научное издание

Подписано в печать 26.04.2016. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 14,8. Тираж 500 экз. Заказ № 136.

Оригинал-макет и обложка подготовлены *А.В. Воробьевым*, Корректор *Е.В. Феоктистова*

Издательство Институт востоковедения РАН. inf@ivran.ru
107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Научно-издательский отдел Зав. отделом А.В. Сарабьев. E-mail: izd@ivran.ru

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.

Лицензия на типографскую деятельность ПД № 0059

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хазанов А.М.</i> Сирийская трагедия: в какие игры играют тигры?	5
<i>Долгов Б.В.</i> Сирийский кризис в глобальной политике Запада и России.....	18
<i>Слинкин М.М.</i> Особенности ведения боевых действий сирийской вооруженной оппозицией.....	28
<i>Шаринов У.З.</i> Обострение политической и социальной ситуации в Сирии и Ираке, в связи с появлением ИГИЛ	35
<i>Лукьянов Г.В.</i> Ливийский кризис: пять лет нестабильности, деградации и дезинтеграции	51
<i>Евсеев В.В.</i> О перспективах российско-турецких отношений.....	65
<i>Иванова И.И.</i> Балканская политика Турции	73
<i>Койбаев Б.Г.</i> Влияние обострения противоречий между Западом и Россией на расстановку сил на Южном Кавказе	99
<i>Харитонов Д.В.</i> Геополитическая роль Азербайджанской республики в новых условиях	107
<i>Кириченко В.П.</i> Единство и многообразие шиизма в арабских странах ...	113
<i>Ильина Ю.И.</i> К вопросу о влиянии концепции «исламского государства» Хомейни на религиозно-политические процессы на Ближнем Востоке ...	124
<i>Дейч Т.Л.</i> Обострение отношений между Западом и Россией: позиции стран БРИКС	129
<i>Сидорова Г.М.</i> Россия и Африка: взаимодействие в интересах международной безопасности	138
<i>Бибикова О.П.</i> Причины и цели миграций с Ближнего Востока и Северной Африки	145
<i>Захарьев Я.О.</i> Интересы России в Мьянме после выборов 2015 г.	160
<i>Зиганшин Р.М.</i> Кризис глобализации и начало новых процессов в мировой политике	166
<i>Пахомова М.А.</i> Отражение политики по обеспечению безопасности интересов на Арабском Востоке во внешнеполитических документах КНР	173

<i>Милеев Д.А.</i> Место Японии в новой расстановке сил в АТР	179
<i>Ледовская О.А.</i> Новые тенденции в отношениях Японии со странами Центральной Азии (на примере Узбекистана).....	187
<i>Устинова Т.Н.</i> Тенденции развития российско-японских отношений в 2016 г.....	198
<i>Семыкина М.С.</i> Транстихоокеанское партнерство и интересы региональных игроков.....	204
<i>Медведко Л.И.</i> Восток–Запад: два века — две мировые войны.....	214
Программа работы научной конференции «Влияние обострения противоречий между Западом и Россией на расстановку сил в Азии и Африке» (ИВ РАН, 30.11.2015, 11:00, ауд. 222)	216

Ливийский кризис: пять лет нестабильности, деградации и дезинтеграции¹

Ливийский кризис представляет собой протекающую на протяжении более 5 лет череду военно-политических вооруженных и невооруженных конфликтов, отличных по своей форме и природе, но представляющих собой части единого процесса деградации и дезинтеграции ливийского общества в начале второго десятилетия XXI века. В силу урона, нанесенного конфликтами 2011–2015 гг. обществу и государству, историческому наследию и гуманитарной ситуации на территории одной из крупнейших стран на африканском континенте, впору стало говорить о Ливии как о «несостоявшемся государстве»², а федерализацию страны называть единственным способом сохранить ее территориальную целостность³. Невозможно переоценить значение ливийского кризиса как для самой Ливии, ливийского общества и государства, так и для североафриканского региона в целом ввиду того влияния, которое происходящие здесь события оказывают на ситуацию в сфере безопасности (военной, политической, экономической и миграционной) на региональном уровне в течение всех последних десятилетий, начиная с 1970-х гг. При этом речь идет не только о соседних странах арабского Магриба и Сахеля, но также и обо всем средиземноморском бассейне, включая север Африки, юг Европы и западную часть Азии, с которыми Ливию связывают не только исторически сложившиеся контакты, но и потоки мигрантов, товаров и услуг. Ряд авторитетных исследователей признает «ливийский фактор» важной составляющей процессов регионального и межрегионального масштаба во втором десятилетии XXI века: так, арабист и политолог К.М. Труевцев выделил т.н. «ливийскую зону нестабильности» в качестве одного из ключевых источников дестабилизации в Африке и на Ближнем Востоке⁴.

В феврале 2011 г. волна народных выступлений, впоследствии вошедшая в историю под целым рядом громких названий, как «арабская весна» или «арабское пробуждение», охватив широкие слои общества и обрушив политические режимы в Тунисе и Египте, достигла северо-восточных провинций Ливийской Арабской Джамахирии (ВСНЛАД)⁵. Не прошло и недели, как ограниченные по числу и составу участники митинги ливийских правозащитников, выступавших с позиций и требованиями далеко отличными от тех, что побудили к активному социальному протесту их ближайших соседей, переросли в нечто большее, не имевшее ранее аналогов ни в Каире или Александрии, ни в Тунисе. Споры между органами ливийского правосудия, с одной стороны, и адвокатами и родственниками тех, кто считал себя ложно обвиненными и осужденными, с другой, никогда не были

чем-то из ряда вон выходящим, исключительным и, тем более, вызывающим особое внимание не только в других районах страны, но и за ее пределами. Но именно в Бенгази в феврале 2011 г. из демонстрации протеста, направленной против судебного произвола в отдельно взятом судебном случае (далеко не самом памятном и резонансном), выросло вооруженное восстание, ставшее первоосновой крушения не только правящего режима, но и всей ливийской государственности в том виде, в котором она просуществовала более 40 лет.

2011 год стал знаковым для ливийской истории, обозначив водораздел, или точку бифуркации, после прохождения которой возврата к былому уже быть не могло. Исследователи из разных стран за прошедшие несколько лет накопили немало информации о случившемся, выработали множество подходов к анализу первопричин, особенностей и последствий тех событий, сделали достаточное количество далеко идущих выводов. Тем не менее, будущее так называемых «ливийских исследований», а также арабистических и других штудий лежит в русле продолжения неустанных попыток понять и объяснить суть и причинность «февральских событий», их место не только и не столько в истории самой Ливии, сколько в будущем всего региона Большого Ближнего Востока и Северной Африки.

Причины и предпосылки ливийского кризиса. Вопреки распространенному убеждению⁶, представляющему ливийские события как часть «арабской весны» (что подразумевает наличие ряда общих признаков, характеристик и, главное, причин во всех страновых случаях) и отождествляющему их с ситуацией в Египте и Тунисе, необходимо обосновать принципиальные отличия «ливийской весны» в плане определения не только роли «внешнего фактора», но и внутренних предпосылок.

Задолго до кризиса 2011 г. в ливийском обществе и государстве сформировался клубок тесно переплетенных друг с другом внутрисистемных противоречий, последовательно подтачивавших основы политического режима и превративших институты, которые ранее выполняли стабилизирующие функции, в источник проблем для дальнейшего развития системы в целом. То, что в предшествующие периоды позволяло режиму быть устойчивым к внутренним и внешним угрозам, в XXI веке стало препятствием на пути успешной трансформации Джамахирии с учетом требований и вызовов современного глобального экономического и политического миропорядка.

Созданный Муаммаром Каддафи политический режим сочетал в себе элементы традиционной политической культуры, — что было необходимо в условиях преобладания племенного характера общественных отношений, — и избирательно отобранные инструменты и институты государства эпохи модерна. Нефтяные богатства Ливии, обеспечившие экономический скачок и «ливийское социальное чудо», сделали подобную гибридную форму государства эффективной для выполнения потребностей общества в период его активной трансформации и включения в региональную и мировую экономику, пришедшийся на 1970–1980-е годы⁷. Тем не менее, в 1990-е г. сво-

его апогея достигли несколько разрушительных для ливийского государства тенденций.

Во-первых, идеологическая делегитимизация режима в глазах собственно населения Джамахирии. Внешнеполитическая переориентация ВСНЛАД, заключавшаяся в том, что вместо арабского Ближнего Востока главным направлением ее внешней политики стала Африка, разрушила создававшийся десятилетиями миф об особом месте Ливии в семье арабских народов. Пан-арабизм и идея арабского единства задолго до этого доказали свою нежизнеспособность в качестве модуса и утопии внешней политики не только в других странах⁸, но и в самой Ливии⁹, тем не менее, вплоть до начала 1990-х гг. ВСНЛАД оставалась их оплотом, до последнего верным идеалам арабского национализма в самых крайних его трактовках и прочтениях¹⁰. Повернувшись лицом к Африке и открыв границы для африканцев¹¹, М. Каддафи получил приток «новой крови» в ливийское общество. Тем самым лидер революции и политическая элита получили прослойку лояльного идеологически и зависимого экономического населения, но одновременно само появление африканских мигрантов дало начало росту межэтнических и межрасовых противоречий в ливийском обществе. Новые африканские граждане Ливии, получив паспорта ВСНЛАД, обрели признание и легитимность в глазах политического руководства страны, государства и внешнего мира, но утратили их в глазах коренного арабского населения Триполитании и Киренаики, в течение десятилетий проникавшегося идеями избранности и превосходства арабов (и особенно ливийцев) над другими народами. Этнический национализм и расизм, выросшие из реинтерпретации пропаганды арабского национализма в новых экономических условиях, усилили конфликтный потенциал районов совместного проживания коренного и пришлого населения, заложив основу для дальнейшего перетекания конфликта в бытовую/личностную плоскость¹².

Во-вторых, утрата политическим режимом статуса арбитра над племенами, являвшимися и являющимися основным социальным институтом ливийского общества, определяющим политико-культурную идентификацию большинства ливийцев. На протяжении 1970–1980-х гг. фундаментом режима власти М. Каддафи и всей Джамахирии являлась триада племенных союзов варфалла, магарха и каддафа¹³. Из числа их представителей происходило формирование властных структур по всей иерархической вертикали, что обеспечивало баланс интересов и распределение благ и преференций между самым многочисленным племенным союзом прибрежной полосы, самым крупным племенем юга и родным племенем Лидера революции, соответственно. В 1993 г. после разоблачения очередной попытки военного переворота лидеры племенного союза варфалла оказались под подозрением в ее организации, что привело к репрессиям против них¹⁴. Несмотря на то, что во время борьбы с вооруженной исламистской оппозицией во второй половине 1990-х и начале 2000-х гг. ливийское руководство активно привлекало племенные ополчения варфалла к полицейским и кара-

тельными операциям на контролируемых ими территориях¹⁵, политический и экономический статус уроженцев племенного союза так и не был полностью восстановлен. Потеря преференций привела к последовательному ухудшению уровня жизни представителей самого крупного племенного объединения, утрате ими доверия к режиму в целом и привилегированным племенам — в частности.

В-третьих, обострение конфликта элит. Данная важная тенденция обозначила себя в новом свете в последние годы существования режима, а именно — после отмены международных санкций и ограничений. Снятие внешних барьеров и ограничений открыло возможности для интеграции¹⁶ ВСНЛАД в региональную и мировую экономику, вернуло старых (РФ, Италия, Франция, Великобритания) и привлекло новых (Турция, КНР) инвесторов и партнеров¹⁷, способствовало росту благосостояния высшей политической и экономической элиты страны. В данных условиях политическая система, созданная М. Каддафи с целью противостоять внешнему влиянию и вмешательству, а не способствовать ее интеграции в международные институты и связи, оказалась слишком «несовременной», консервативной и практически не реформируемой. В высших эшелонах власти обозначилась поляризация элиты минимум на два лагеря: политических идеалистов и аппаратчиков, с одной стороны, и технократов от экономики и управления¹⁸. Последние, исповедуя прагматичные взгляды на место Ливии в мировой экономической системе, на фоне увеличения капиталовложений в ливийскую экономику испытывали все больше сомнений в надежности и эффективности сложившихся институтов. В отсутствие легальных формализованных механизмов и процедур передачи власти после наступления физической неспособности Каддафи исполнять функции лидера в стране одновременно должен был наступить кризис власти и открыться «окно возможностей» по реформированию системы.

Именно раскол элит стал причиной того, что выступления в Бенгази в феврале 2011 г.¹⁹ переросли в организованное повстанческое движение, обеспеченное организационными и материальными ресурсами внутри страны и из-за рубежа, а система государственных органов управления и безопасности, призванная обеспечить стабильность режима, оказалась парализована и дезориентирована. В течение десятилетий армия Ливийской Республики, а затем и Джамахирии существовала в двух ипостасях: опоры режима и источника бесконечных заговоров против него²⁰. Развитые институты политического и идеологического контроля, инструменты и структуры сдерживания армии, созданные режимом в стремлении обезопасить себя от военного путча, оказались настолько эффективны в исполнении своих функций, что к 2011 г. в стране не оказалось вооруженных сил, способных достойно сдерживать внешние угрозы²¹. Остались лишь полицейские силы, чьи возможности позволяли им эффективно бороться с внутренними угрозами. При колоссальных запасах хоть и устаревшего, но все еще работоспособного оружия, ливийская армия, утратившая дисциплину,

гордость и сплоченность, была парализована пассивностью верховного командования и жесткой вертикалью подчинения. В то время как оппоненты сторонников М. Каддафи и «старой» Джамахирии не без внешней поддержки сумели аккумулировать серьезные силы и ресурсы, в т.ч. и военные. Важную роль в организации вооруженных сил Переходного национального совета (ПНС) и Совета Триполи (СТ) сыграли военизированные отряды исламистской оппозиции, получившие опыт в боевых действиях на территории Алжира, Афганистана, Ирака, Пакистана и Судана²².

Основные этапы развития ливийского кризиса. Начавшись в феврале 2011 г., ливийский кризис миновал несколько стадий развития и продолжает трансформироваться с учетом изменения внутренних условий и конфигурации внешних факторов, воздействующих на логику событий в этой стране в долго- и среднесрочной перспективе. Вопрос периодизации истории Ливии после 2011 г. еще не стал предметом специального рассмотрения исследователями²³ ввиду того, что события, о которых идет речь, произошли по историческим меркам сравнительно недавно, поэтому в рамках данной работы видится необходимым определить тот подход к периодизации, которым руководствовался автор.

Первый этап, начавшийся в феврале и закончившийся в октябре 2011 г., чаще всего именуется гражданской войной и может быть охарактеризован как период внутрисударственного интернационализированного вооруженного конфликта в Ливийской Джамахирии, к падению которой он в итоге и привел. В качестве участников противостояния выступили два военно-политических лагеря, — сторонников и противников политического режима Муаммара Каддафи соответственно. Причем в боевых действиях на стороне оппонентов правящего режима, объединившихся под эгидой Переходного национального совета (ПНС) в Бенгази, уже в марте 2011 г. выступил ряд иностранных государств и международных организаций, что не позволяет считать конфликт сугубо внутренним. Завершение данного этапа произошло после гибели М. Каддафи 20 октября 2011 г., когда одна из сторон конфликта прекратила свое существование, а повестка «антикаддафийского» восстания исчерпала себя.

Второй этап охватывает краткий хронологический период со второй половины осени 2011 г. до лета 2012 г. включительно, когда победившие на предыдущем этапе повстанческие группировки при активном иностранном посредничестве приступили к подготовке первых всеобщих выборов, призванных сформировать временный общегосударственный представительный орган верховной власти, — Всеобщий национальный конгресс (ВНК). Формально признанное иностранными наблюдателями, но не являвшееся таковым на практике лидерство ПНС оспаривалось как крупными объединениями (Военный совет в Триполи), так и отдельными локальными группами (племена и революционные бригады). Появление различных платформ для переговорного процесса и согласования позиций различных групп акторов (племен, новых политических партий, вооруженных группи-

ровок, местных авторитетов) в процессе подготовки выборов, тем не менее, не позволило им избежать применения организованного насилия вооруженных отрядов как эффективного инструмента политического позиционирования и отстаивания собственных интересов. Вооруженный конфликт низкой интенсивности с неопределенным количеством участников продолжался вплоть до начала голосования и так и не завершился после его окончания и подведения итогов.

Третий этап является наиболее долговременным, т.к., начавшись летом 2012 г. после старта работы ВНК, он завершился весной 2014 г. На всем его протяжении не прекращались попытки центральных органов власти установить свой контроль над всей территорией страны, что лишь приводило к обратным результатам. В том числе, новым всполохам автономистских настроений на местах (Бенгази, Мисурата), усилению центробежных тенденций, увеличению числа сторонников федерализации страны и децентрализации системы управления. Неисчислимы расколы внутри ВНК сделали процесс принятия политических решений внутри него трудным и долгим, а работу в целом — неэффективной и контрпродуктивной. Причиной окончания данного периода стал внутривнутриполитический конфликт юрисдикций, вызванный отказом исламистских фракций ВНК признать результаты работы Конституционной ассамблеи, итоги выборов депутатов нового, — уже постоянного, — представительного органа, Палаты представителей, и прекратить работу Конгресса. Попытка военного руководства Ливийской национальной армии лишить исламистов их главной опоры в лице военизированных организаций и революционных бригад с помощью военно-полицейской операции «Достоинство» и тем самым лишить их возможности диктовать свои условия на страновом уровне оказалась безуспешной и ввергла страну в новую гражданскую войну.

На протяжении четвертого этапа, продлившегося с весны 2014-го до зимы 2015–2016 гг., в Ливии продолжались ожесточенные столкновения сторонников двух парламентов, отказавшихся от сотрудничества и диалога друг с другом. Речь идет о новой гражданской войне. Обновленный ВНК в Триполи и Палата представителей в Тобруке позиционировали себя в качестве автономных центров силы, предлагающих каждый свой путь дальнейшего развития страны с опорой на диаметрально противоположенные наборы ценностей и установок. В то же время ресурсы обоих правительств — как материальные, так и морально-политические — оказались заметно ограничены, что не позволило ни одной из сторон добиться решающего преимущества в двустороннем противостоянии. На этом фоне способность кабинетов министров в Триполи и Тобруке контролировать собственных сторонников оказалась под большим сомнением, реальная власть оказалась в руках у полевых командиров и военачальников, племенных и этнических (меньшинства туареги, тубу) лидеров.

Пятую годовщину Революции 17 февраля 2011 г. Ливия встретила в условиях продолжающегося социально-экономического кризиса и непрекра-

шающегося военно-политического противостояния. Крушение режима Муаммара Каддафи под ударами собственной элиты и исламистской оппозиции изнутри страны и Североатлантического альянса и его союзников снаружи не только не привело к улучшению условий жизни рядового населения, но превратило некогда процветающую страну в крупнейшую зону нестабильности на средиземноморском побережье Северной Африки. Встав на путь децентрализации власти и ухода от опыта авторитарного правления М. Каддафи, по прошествии пяти лет непрекращающегося кризиса ливийское общество оказалось на пороге социальной дезинтеграции, окончательной и бесповоротной утраты государственности и территориального суверенитета.

Тем не менее, шестой этап, берущий свое начало в декабре 2015 г. и продолжающийся вплоть до момента написания данной статьи, во многом олицетворяет стремление ряда политических сил (преимущественно за пределами Ливии) сохранить территориальную целостность и политическую субъектность ливийского государства вопреки всем деструктивным тенденциям. Формирование под эгидой и покровительством ООН, европейских и арабских государств правительства национального единства Ливии в декабре 2015 — январе 2016 гг. на территории соседнего Туниса представляет собой не что иное, как попытку внешних сил обуздать ливийский кризис и не допустить распространения его недоброкачественного влияния в Магрибе и Средиземноморье. Конфликт переходит в новую стадию развития, продемонстрировавшую полную неспособность различных политических лагерей внутри Ливии самостоятельно найти путь к политическому разрешению сложившихся противоречий.

Ключевые особенности и элементы процесса дезинтеграции. Поражение сторонников Джамахирии в военном конфликте 2011 г., который также называют Гражданской войной в Ливии, ознаменовало собой крушение ВСНЛАД как политической системы и модели ливийской государственности. Но гибель Джамахирии не привела к концу ее политической элиты, ведь значительная ее часть и сформировала новые структуры власти под эгидой ПНС. Оптимисты в самой Ливии и за ее пределами видели перед собой возможности по построению нового государства, отвечающего современным требованиям и критериям. Несмотря на отсутствие опыта партийного строительства и парламентаризма в современных условиях, политический плюрализм стал закономерным наследием Джамахирии и Гражданской войны.

Летом 2012 г. в стране прошли первые за много лет всеобщие выборы депутатов Всеобщего национального конгресса²⁴ (ВНК), временного представительного органа власти. Либеральный закон о политических партиях, предусматривающих облегченную процедуру регистрации, позволил в кратчайшие сроки с конца 2011-го до весны 2012 г. создать в стране, не имевшей опыта партийного строительства в течение последних 35 лет, несколько десятков партий и объединений для участия в электоральном процессе²⁵. Идеологический спектр организованных политических сил оказался достаточно широк, но малоразвит в условиях ливийских реалий, т.к.

отражал во многом программы объединений ливийской оппозиции за рубежом, а также крупных зарубежных партий, популярных во всем арабском мире. Начиная с 1980-х гг. в основе политических программ ливийской оппозиции лежал тезис о необходимости свержения режима личной власти М. Каддафи, при этом траектория дальнейшего развития страны, и тем более конкретные шаги, рассматривались ими лишь в общих чертах без применения к практике и ливийским реалиям. В соответствии с изменениями в первоначальный закон о выборах²⁶, принятыми по результатам согласования интересов различных групп внутри и за пределами ПНС весной 2012 г., большую часть мест (120 из 200) в ВНК должны были занять не представители партий, а независимые кандидаты. Во многом по этой причине, несмотря на то, что с определенным перевесом победу среди партий одержало светское объединение, — «Альянс национальных сил», опередившее «Партию справедливости и реконструкции» (созданную ливийскими «Братьями-мусульманами» при поддержке Туниса и Турции), — во временном парламенте оказалось немало сторонников исламизации страны. Т.н. ливийские исламисты не обладали единством и были представлены целой плеядой политических партий и объединений разной степени сплоченности и организованности, выстроившихся вокруг отдельных знаковых фигур и групп при финансовой и организационной поддержке внешних спонсоров из соседних стран (Египет, Тунис, Судан), Турции и государств Аравийского полуострова (КСА, ОАЭ, Катар).

Конфликт между сторонниками светского пути развития и теми, кто выступал в поддержку необходимости исламизации общества и государства, не мог быть разрешен ни при реформировании структур ПНС до выборов 2012 г., ни в рамках новоизбранного ВНК. Ни одна из политических сил не имела должного перевеса и поддержки в обществе, ведь наравне с отсутствием опыта партийного и парламентского строительства в Ливии, следует учитывать, не существует традиции доверия к этим институтам²⁷. Преодолеть этот кризис взаимного недоверия различные силы ВНК старались по-своему. «Альянс национальных сил» занял довольно скромные позиции в руководстве Конгресса²⁸, вынужденно передав руководство им, и по сути место первого лица государства, ветерану ливийской оппозиции Мухаммеду аль-Макрифу, бессменному лидеру Либерального освободительного фронта Ливии с 1981 года. С другой стороны, «Партия справедливости и реконструкции» и другие исламисты в ВНК и правительстве стремились получить поддержку в обществе за счет продвижения популистского закона о люстрации²⁹, предусматривавшего недопущение до занятия ответственных государственных постов служащих администрации (включая офицеров армии, полиции, структур безопасности, членов революционных комитетов всех уровней) времен Джамахирии.

Тем временем тяжесть послевоенного восстановления в большей мере легла не на центральное правительство, — занятое подготовкой и проведением выборов, а затем дележом портфелей в правительстве, — но на мест-

ные органы власти. Последние, в свою очередь, в отсутствие закона о местных выборах, продолжали формироваться на основе дореволюционных принципов и представляли собой часто все те же самые народные комитеты по форме, а иногда и по содержанию. Как и в последние полтора десятилетия правления М. Каддафи, ведущую роль на локальном уровне играли племенные авторитеты³⁰, а также сформировавшийся особенно в годы после снятия международных санкций малый и средний бизнес, занятый в таких сегментах, как торговля, транспортные перевозки и т.д. Сохранение и приумножение деструктивных тенденций в высших эшелонах власти послужило развитию возникшей практически сразу после гибели М. Каддафи дискуссии о необходимости смены типа политического устройства, читай федерализации страны, для ее сохранения в качестве единого целого³¹. На этом фоне наиболее громким и заметным (но не единственным) стало заявление Совета Киренаики, выступившего инициатором созыва вождей племен северо-востока для выдвижения проекта широкой политической и экономической автономии для этого региона страны.

Помимо того, созданные во время Гражданской войны революционные вооруженные бригады, сохранив свою организацию, контроль над людскими и материальными ресурсами, не пожелали сложить оружие и интегрироваться в состав Ливийской национальной армии (ЛНА) и органов правопорядка. Независимые формирования превратили свою лояльность в предмет торга между политическими силами, заинтересованными в децентрализации государственной власти: локальными элитами в сложившихся в послевоенный период городах-государствах (Мисурат, Зинтан и т.п.) и региональными идеологизированными группировками. В совокупности с племенными ополчениями, местными милициями, отрядами самообороны этнических меньшинств (туарег и тубу) такого рода объединения самим своим существованием на протяжении нескольких лет подрывали авторитет центральных властей и оспаривали легитимное право государства на насилие в национальных границах. Главной причиной жизнестойкости революционных бригад является стабильный спрос на их услуги как сравнительно дешевой военной силы и гарантированно эффективного инструмента достижения широкого круга целей самыми разными политическими силами как внутри Ливии, так и вне ее. Так, например, отдельные бригады были наняты для охраны официальных представительств иностранных государств и компаний, их собственности и резидентов на ливийской территории. Услугами «наемной охраны» пользовались резиденты европейских (Франция, Италия) и арабских (КСА, Катар, ОАЭ) государств, а также сотрудники международных организаций (ООН). Не менее серьезным подспорьем для превращения вооруженных групп в постоянного участника политического процесса в Ливии стала их способность добиваться экономической самодостаточности через осуществление военного контроля над районами нефтедобычи и нефтепроводами, участие в похищениях людей, контрабанде и транспортировке запрещенных грузов (включая людей).

В конце 2013-го и первом квартале 2014 г. вся сумма конфликтов, разрывавших изнутри Всеобщий национальный конгресс, достигла своего апогея. Весной 2014 г. авторитет правительства Али Зейдана, пытавшегося удовлетворить слишком много противоречивых требований различных сил внутри страны и за ее пределами, рухнул окончательно. Недоверие к нему со стороны парламента и основных политических игроков достигло критических показателей после того, как премьер-министр был беспрепятственно похищен в столице одной из экстремистских группировок.

Форсированные меры министра обороны Абдаллы Ат-Тани, сменившего Зейдана на посту премьер-министра, направленные на стимулирование работы Конституционной ассамблеи, наведение порядка в ВНК и подготовку новых выборов, встретили организованный отпор широкой коалиции сторонников исламистских организаций. Начатая в мае 2014 г. лояльным Ат-Тани командованием ЛНА военно-полицейская операция³² «Достоинство», чьей целью стало уничтожение наиболее радикальных группировок исламистов, не дала ожидаемых результатов. Наоборот, военизированные отряды происламистских объединений «Рассвет Ливии» и «Щит Ливии» не только дали отпор правительственным войскам генерала Халифы Хафтара, но и захватили столицу страны — город Триполи.

Несмотря на то, что летом 2014 г. кабинет Ат-Тани и сторонники светского пути развития провели выборы³³ в соответствии с новым законодательством и избрали Палату представителей (ПП), получившую международную поддержку со стороны ряда государств, международных глобальных и региональных организаций, страна оказалась расколота конфликтом юрисдикций. Обновивший свой состав ВНК, опираясь на поддержку «Рассвета Ливии» и происламистской части бюрократии, армии и Верховного Суда, отказался признать решения Конституционной ассамблеи, принять результаты выборов 2014 г. и уйти в отставку. Оба правительства и оба парламента (ВНК — в Триполи, ПП — в Тобруке) выдвинули претензии на право считаться единственным легитимным руководством ливийского государства, что привело к новому этапу долгосрочного вооруженного конфликта в Ливии. Трепетно подготовленные при поддержке иностранных военных инструкторов элитные части национальной армии и полицейского спецназа вынужденно оставили столицу и значительную часть Триполитании, после чего на целый год увязли в боях с исламистскими группировками на северо-востоке в Киренаике.

Дефицит ресурсов и поддержки на местах не позволили ни одной из сторон добиться решающего преимущества в течение последовавшего противостояния, продлившегося вплоть до конца 2015 года. Неустанные попытки ООН и международных посредников усадить представителей враждующих лагерей за стол переговоров длились весь 2015 год³⁴. Тем не менее, достигнутая при посредничестве специального представителя генерального секретаря ООН по Ливии Мартина Коблера договоренность представителей ВНК и ПП о начале конструктивных консультаций, направленных на фор-

мирование объединенных органов управления страной, как казалось со стороны, была встречена позитивно всеми заинтересованными сторонами. Но в то же самое время создание правительства национального единства под руководством Фаиза Сараджа в декабре 2015 — январе 2016 г. было воспринято скептически в Тобруке и откровенно враждебно в Триполи и Мисурате. Стороны не смогли договориться ни о кандидатуре министра обороны, ни об общем списке потенциальных претендентов на пост президента страны. Ключевые расколы, — сложившиеся в Ливии задолго до кризиса 2011 г., но в его результате усугубившиеся до предела, — не получили должного разрешения и продолжают оказывать губительное влияние на ситуацию в этой североафриканской стране.

На фоне обозначенных внутренних конфликтов в Ливии появилась новая внешняя сила, обладающая далеко идущими планами относительно дальнейшей судьбы всего североафриканского региона в целом. Появившись в конце 2014 г. в районе города Дерна ячейка «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ/ИГ/ДАИШ) вскоре объявила³⁵ о создании в Ливии трех провинций своего Халифата и к концу 2015 г. установила контроль над несколькими населенными пунктами, в т.ч. городом Сиртом, родиной М. Каддафи. Поражения на сирийском и иракском фронтах осенью 2015 г. вынудили некоторую часть комбатантов ИГИЛ перебазироваться на территорию Ливии, что значительно усилило возможности группировки в Северной Африке и изменило баланс сил в ливийском конфликте. Из локальной и немногочисленной маргинальной группы, не способной серьезным образом повлиять на реальный расклад сил даже в одной лишь Киренаике, ливийское отделение ИГИЛ за считанные недели превратилось в серьезную военно-политическую силу, с которой приходится считаться как претендентам на власть в Ливии, так и заинтересованным в умиротворении кризиса правительствам иностранных государств. Залогом успехов ИГИЛ в Ливии явилось использование оригинальной военной тактики и опыта боев в Сирии и Ираке: в отличие от местных исламистских группировок, боевые отряды, присягнувшие Абу Бакр аль-Багдади, предвещают любые наступательные действия массированными атаками смертников, при этом действуют дисциплинированно и куда собраннее.

В то же время, не следует преувеличивать значение фактора ИГИЛ и его влияние на внутривосточную ситуацию в Ливии в целом. Данная организация с ее идеологией и структурой продолжает оставаться преимущественно чуждой для ливийского социума, она не может встроиться в племенную структуру и использовать ее себе на благо так, как это было сделано в Ираке и Сирии. Именно поэтому территория под ее контролем невелика и ограничена разоренными войной и покинутыми населением областями. На протяжении полутора лет основные усилия войск ЛНА и «Рассвета Ливии» были преимущественно направлены не против ИГИЛ, а супротив друг друга. В то же время, в первом квартале 2016 г. попытки консолидировать политические силы страны под эгидой правительства национального единст-

ва основывались на конструировании образа общего врага, в качестве которого и позиционировался ИГИЛ.

В среднесрочной перспективе ливийский кризис остается все еще далек от разрешения, а судьба единого ливийского государства все так же туманна. Концепция единого централизованного унитарного государства утратила свою легитимность в глазах значительной части населения и его представителей: центробежные тенденции все еще набирают обороты на фоне продолжающегося разрушения экономической инфраструктуры, деградации общественных институтов и тотальной неэффективности институтов государственных. Федерализация, или широкая децентрализация, видится единственным средством удержать вместе превращающиеся в самодостаточные оплоты враждующих племен и военно-политических группировок города и поселения в пустыни. Даже разделение территории страны на три исторические области не отражает реальной ситуации, если куда более дробное деление территории Ливии на десятки независимых районов превращает ее политическую карту в то самое «лоскутное одеяло», с которым некогда сравнивали Священную Римскую империю германской нации в Европе. Вооруженное противостояние усугубляет кризис доверия, которое в ливийском обществе сегодня утрачено не только по отношению к государству, но и между социальными группами и индивидами на самом низовом, базовом уровне взаимодействия. Усиливающаяся на всех уровнях фрагментация и атомизация общества идет на пользу наиболее радикальным политическим группировкам, ранее не имевшим столь благоприятных условий для проникновения в него, и служит благоприятной средой для дальнейшей дезинтеграции некогда единого социально-политического пространства ливийского государства.

¹ Данная статья представляет собой расширенную, переработанную и дополненную версию статьи, написанной автором для Российского совета по международным делам (РСМД) и опубликованной на официальном сайте РСМД: *Лукиянов Г.* Ливия: от децентрализации к дезинтеграции // РСМД. 08.04.2016 [russiancouncil.ru/inner/?id_4=7523#top-content (10.04.2016)].

² Например, см.: *Ashour Omar.* Between ISIS and a Failed State: The saga of Libyan Islamists // Working Paper. N.Y.: Brookings, 2015; *Varvelli Arturo.* Europe and the Libyan Crisis: A Failed State in the Backyard? // Analysis № 237. Milan: ISPI, 2014.

³ Например, см.: *Libya beyond the Revolution: Challenges and Opportunities* // A staff team led by Ralph Chami, and comprising Ahmed Al-Darwish ... [et al.]. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2012.

⁴ *Труевцев К.М.* Зоны региональных конфликтов // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Ежегодник. Т. 5. Волгоград: Учитель, 2014. С. 150–169.

⁵ Полное официальное название государства на русский язык переводится как «Великая социалистическая народная ливийская арабская Джамахирия» (ВСНЛАД).

⁶ *Долгов Б.* События в Ливии — это особая часть «арабской весны» // Вестник Кавказа. 18.02.2016 [www.vestnikavkaza.ru/video/Boris-Dolgov-Sobytiya-v-Livii-eto-osobaya-chast-arabskoy-vesny.html].

⁷ *Naur Maja.* Political Mobilization and Industry in Libya. Copenhagen: Akademisk Forlag, 1986; *Planning and Development in Modern Libya* / Ed. by M.M. Buru. London: Menas Press, 1985.

⁸ *Dawisha Aaded.* Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2005. P. 282–314.

⁹ Например, см.: *Joffé G., Paoletti E.* Libya's Foreign Policy: Drivers and Objectives //

Mediterranean Papers. Washington, D.C.: The German Marshall Fund of the United States, 2010; Joffé G., Paoletti E. The foreign policy process in Libya // The Journal of North African Studies. Vol. 16. 2011. № 2. P. 183–213.

¹⁰ Исключением является острое неприятие политической элитой и руководством ВСНЛАД идеологии баасизма, культивируемой иракским отделением Партии арабского социалистического возрождения, что объясняется конфликтом М. Каддафи с ливийскими и иракскими баасистами сразу после революции 1969 г.

¹¹ Huliaras Asteris. Qadhafi's Comeback: Libya and Sub-Saharan Africa in the 1990s // African Affairs. Vol. 100. 2001. № 412. P. 5–25.

¹² Лукьянов Г.В. К вопросу о трансформации арабского национализма в Ливии с 1951 по 2011 гг. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014». М.: МАКС Пресс, 2014.

¹³ Lacher Wolfram. Families, Tribes and Cities in the Libyan Revolution // Middle East Policy. Vol. 18. 2011. № 4. P. 144–145.

¹⁴ Lacher Wolfram. Families, Tribes and Cities in the Libyan Revolution // Middle East Policy. Vol. 18. 2011. № 4. P. 144–148.

¹⁵ Ashour Omar. Post-Jihadizm: Libya and the Global Transformations of Armed Islamist Movements // Terrorism and Political Violence. Vol. 23. 2011. № 3. P. 382.

¹⁶ Бартнев В.И. «Ливийская проблема» в международных отношениях. 1969–2008. М.: Ленанд, 2009. С. 332–345.

¹⁷ Об экономической трансформации см.: Смирнова Г.И. Ливия: от тотального госконтроля к либерализации экономики? М.: ИВ РАН, 2011. С. 71–92, 137–150.

¹⁸ Данное деление носит условный характер и не является отражением сложившихся моделей самоидентификации ливийских элит. Подробнее о политической элите Ливии при М. Каддафи см.: el-Kikhia, Mansour O. Libya's Qaddafi: The Politics of Contradiction. Gainesville: University of Florida, 1997. P. 84–107.

¹⁹ Егорин А.З. Свержение Муаммара Каддафи. Ливийский дневник 2011–2012 год. М.: ИВ РАН, 2012. С. 27–49.

²⁰ Лукьянов Г.В. Ливийская армия от «революции Аль-Фатех» до «Арабской весны» // Азия и Африка сегодня. 2012. № 9. С. 27–34.

²¹ Лукьянов Г.В. Регулярная армия как институт национального государства в Ливии // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 325–341.

²² Лукьянов Г.В. Радикальный ислам в Ливии // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Азии. М.: Ленанд, 2015. С. 320–361.

²³ Тем не менее некоторые общие подходы к пониманию данной проблемы сформировались, см.: Егорин А.З. Арабский Восток в борьбе за обновление (Ливия, Египет, Сирия). Хроника событий, 2012–2013 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2014; Подцероб А.Б. Междоусобный конфликт в послекаддафиевской Ливии // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / Отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б. Малышева. М.: ИВ РАН, 2015. С. 381–400.

²⁴ Подробнее см.: Лукьянов Г.В. Выборы во Всеобщий Национальный Конгресс Ливии: контекстуализация, концептуализация и подведение итогов // Новое восточное обозрение. 2012 [www.ru.journal-neo.com/node/118168].

²⁵ Подцероб А.Б. Междоусобный конфликт в послекаддафиевской Ливии // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: ИВ РАН, 2015. С. 383–387; Подцероб А.Б. Междоусобный конфликт в послекаддафиевской Ливии // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / Отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б. Малышева. М.: ИВ РАН, 2015. С. 381–400.

²⁶ Сапронова М.А. Избирательный закон Ливии: от прямой демократии «Революции 1 сентября» к представительной демократии «Революции 17 февраля» // Институт Ближнего Востока. 22.02.2012 [iimes.ru/rus/stat/2012/22-02-12.html].

²⁷ Торин А. Война в Ливии: есть ли выход из тупика? // Международная жизнь. 25.04.2016.

²⁸ Лукьянов Г.В. Итоги выборов в новой Ливии: кто теперь у власти? // Modern Politics. 2012 [www.publications.hse.ru/articles/65876142].

²⁹ Подробнее см.: Булаев О.О. О провале люстрации в Ливии // Ученые записки Центра арабских и исламских исследований / Отв. ред. А.И. Яковлев. М.: ИВ РАН, 2015. С. 103–110.

³⁰ *Lacher Wolfram*. Libya's Local Elites and the Politics of Alliance Building // *Mediterranean Politics*. Vol. 21. 2016. № 1. P. 64–85.

³¹ Подробнее см.: Турьинская Х.М. Ливия: возможен ли возврат к федерализму? // Азия и Африка сегодня. 2015. № 8. С. 18–23.

³² *Tawil Camille*. Operation Dignity: General Haftar's Latest Battle May Decide Libya's Future // *Terrorism Monitor*. Vol. 12. 2014. № 11 [www.jamestown.org/programs/tm/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=42443&%3BcHash=24a#.Vvy449yLTIU].

³³ Elections 2014: Final results for House of Representative elections announced // *Libya Herald*. 21.07.2014.

³⁴ Statement of Special Representative of the Secretary-General for Libya Martin Kobler to the Security Council. Washington, D.C.: United Nations. 25.02.2016 // unsmil.unmissions.org/Default.aspx?tabid=3549&language=en-US#.

³⁵ *Michael Maggie*. How a Libyan city joined the Islamic State group // AP: The Big Story. 09.11.2014 [bigstory.ap.org/article/195a7ffb0090444785eb814a5bda28c7/how-libyan-city-joined-islamic-state-group].